

*Две башни высоко уходят в небеса.
Вокруг — непроходимые леса,
Их покрывает платьем подвенечным
Тумана колдовского пелена.
Две башни, две сестры, что связаны навечно
Как день и ночь, как осень и весна.
Одна приют для тех, кто чист душой,
Для черных сердцем — место во второй.
Бессмысленно задумывать побег,
Из этой школы не уйти вовек,
Тропа отсюда есть всего одна —
Тебя сквозь сказку поведет она.*

ЧАСТЬ I

1

АГАТА

Почти королева

Если большую часть своей жизни ты планировала найти свое «долго и счастливо» со своей подругой, начинаешь очень странно чувствовать себя, если вместо этого тебе нужно готовиться к свадьбе.

Особенно если жених на протяжении нескольких месяцев старается избегать встреч с тобой.

Занятая этими мыслями, Агата никак не могла уснуть и беспокойно ворочалась в кровати с боку на бок. Думала о сотнях больших и мелких вещей, которые нужно было успеть сделать до великого дня свадьбы, но все они от-

ступали на второй план, уступая место совершенно иным воспоминаниям — о юноше, за которого она собиралась выйти замуж. И какими же мучительными были эти воспоминания!

Агата живо представила себе Тедроса, с залитым слезами лицом, опирающегося на плечо другого мужчины. Тедроса, который кричит от боли...

Агата перевернулась на живот и зарылась головой под подушку.

С того времени прошло полгода. Ровно шесть месяцев со дня коронации.

И именно начиная с того дня Агата уже ни разу не смогла спокойно уснуть.

Агата почувствовала, как заворочался Потрошитель, — ее беспокойство передалось дремавшему у нее в ногах коту. Агата виновато вздохнула и начала дышать ровно и глубоко, пытаясь успокоиться и больше его не тревожить. Вскоре неприятные воспоминания отпустили ее, и Агата почувствовала себя намного лучше — впрочем, она *всегда* начинала чувствовать себя лучше, когда делала что-то в помощь другим, даже если речь идет всего лишь о том, чтобы не мешать спать своему лысому старому коту.

«Если бы я могла что-нибудь сделать и помочь моему принцу, — подумала Агата. — Ведь мы всегда справлялись с любыми трудностями, если брались за дело вдвоем, вместе...»

Щелк!

Мысль оборвалась на полуслове, сердце Агаты замерло.

Дверь.

К негромкому сопению спящего Потрошителя добавился тихий скрип дверных петель.

Агата притворилась спящей, но при этом осторожно протянула руку к лежащему на ночном столике ножу.

Держать при себе нож вошло у нее в привычку с той поры, когда они с Тедросом приехали в Камелот. Сlish-

ком уж много здесь оказалось врагов, мечтавших убить новоявленного, нежелательного ими короля и его будущую королеву...

И вот сейчас кто-то тихо открывал дверь ее спальни.

Появляться здесь в такой поздний час не позволялось никому. Не то что в покои будущей королевы, но и вообще в это крыло замка вход был закрыт для всех. И все же...

Сквозь проем в приоткрывшейся двери просочился бледный луч лунного света. Агата затаила дыхание, слушая мягкие шаги по мраморному полу спальни. На простыни упала чья-то тень.

Агата крепко сжала рукоять ножа.

Под весом присевшего на край ее кровати тела медленно прогнулся матрас.

«Рано», — мысленно скомандовала самой себе Агата.

Матрас прогнулся сильнее — кто-то наклонился ближе к ней.

«Рано».

Агата хорошо слышала дыхание непрошеного гостя.

«Рано».

Тень поползла вперед, легла на шею Агаты, на ее лицо...

«Пора!»

Агата шумно выдохнула и резко взмахнула рукой. Реакция у ночного гостя оказалась отменной, он успел в последний момент схватить запястье Агаты и припечатал ее руку к кровати — остро заточенное лезвие ножа прошло буквально в миллиметрах от его шеи.

Агата захлебнулась от ужаса и встретилась своими широко раскрытыми глазами с глазами гостя.

Рассмотреть почти в полной темноте его лицо она не могла, но запах... Агата узнала этот запах разгоряченной кожи, и запах свежего, выступившего на ней пота тоже, и страх отпустил ее. Уже не сопротивляясь, она позволила ночному гостю забрать у нее нож, он положил его на столик, а сам рухнул головой на подушку рядом с ней.

Заметим, что произошло все это настолько быстро и беззвучно, что спавший Потрошитель даже не шевельнулся.

Агата ждала, когда гость заговорит или просто прижмет ее к своей груди. Может быть, объяснит наконец, почему он сторонился ее все это время. Но вместо этого он просто клубочком свернулся рядом с ней, поскуливая, словно уставший пес.

Агата погладила его шелковистые волосы, промокнула кончиками пальцев выступившие у него на висках капельки пота и позволила ему зарыться носом в ее ночную рубашку.

Она никогда не видела его таким несчастным, таким напуганным и разбитым.

Но постепенно его дыхание становилось все более ровным, напряженное тело расслаблялось, и на лице даже появилась слабая улыбка...

Но тут же исчезла.

За ними кто-то наблюдал. Высокая женщина с тюрбаном на голове стояла в открытом дверном проеме, и ее недобро оскаленные зубы неестественно сверкали в лунном свете.

А в следующий момент Тедрос ушел, растворился в ночной темноте так же стремительно и беззвучно, как и появился.

Лучи августовского солнца отражались на люстре, отбрасывая в глаза Агате яркие солнечные зайчики.

Сонно жмурясь, она смотрела в потолок. На люстре недоставало хрустальных подвесок, вместо них свисали серые нити паутины.

Агата повернулась на бок, прижимая к груди подушку. Подобрался проснувшийся Потрошитель, нацелился было подрать подушку когтями, но Агата цыкнула на него, и кот неохотно ушел назад, в ноги своей хозяйке.

«Понемногу исправляется», — подумала про кота Агата.

Когда они только приехали в этот замок, Потрошитель первым делом надул в туфли Тедроса.

В коридоре послышались голоса. Они приближались, и Агата поняла, что дольше ей расслабляться не дадут и в покое не оставят.

Агата села в кровати, оставаясь по-прежнему в своей мешковатой черной ночной рубашке, и обвела взглядом свою спальню. Она была раза в три больше, чем ее бывшая комната в старом доме в Гавальдоне, с мутными зеркалами в пыльных, украшенных драгоценными камнями рамах, с продавленным древним диваном, с массивным письменным столом из черного дерева с инкрустацией из слоновой кости — этому столу было лет двести, наверное, если не все триста. Продолжая прижимать к себе подушку, Агата задумчиво посмотрела на пол, покрытый потрескавшейся мраморной плиткой. Когда-то ярко-синяя, она выцвела от времени и сделалась серо-голубой. Такими же грязноватыми выглядели и стены — некогда они были разрисованы золотыми цветками, превратившимися теперь в размытые светлые пятна. В принципе, спальня королевы как в зеркале отражала в себе всю суть нынешнего состояния Камелота. Посмотришь издали — роскошь и блеск, подойдешь поближе — гниль и труха. Собственно говоря, таким же раздвоенным было и нынешнее положение самой Агаты: с одной стороны, она жила в королевских покоях, но настоящей-то королевой она не была.

До свадьбы еще два месяца.

При этом с каждым днем ожидание становилось все тревожнее, непонятнее.

Было время, когда Агате представлялось, что она будет счастливо жить-поживать в Гавальдоне вместе со своей лучшей подругой Софи. У них будет свой маленький домик в городке, чай с горячими тостами по утрам на завтрак, а потом — вдвоем на любимую работу, в книжный

